

<https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-3-832-844>

EDN: DQAVHP

Научная статья / Research Article

Феноменология войны Вильгельма Шаппа

Е.А. Попов

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

 popov.eug@yandex.ru

Аннотация. Собственный ракурс феноменологии войны предложил один из учеников Гуссерля – немецкий мыслитель Вильгельм Шапп (1884–1965). В ряде своих работ, посвященных феноменологии истории, он сделал отступление в пользу безусловного фактографического предмета осмысления – войны. Постепенно в его трудах обнаруживается самостоятельный исследовательский подход, который отчасти согласуется с общими для феноменологии концептуальными положениями, но также имеет свои оригинальные штрихи. Шапп анализирует войну в системе известных категорий и понятий феноменологии – трансценденция, трансцендирование, явленность мира вещей и другими. Но в то же время он акцентирует внимание на разворачивании войны как одного из субстанциональных оснований бытия, представляет данный феномен как мир вещей, подверженный трансцендированию, как сущностное явление. Примечательно, что Шапп не дает какого-либо конкретного определения войны, избегая, вероятно, историчности, событийности и фактичности, характерных для описания войн в обобщенном или конкретизированном виде. Тем не менее в сформулированных им положениях отчетливо прослеживается закономерность, позволяющая судить о концептуальном оформлении его подхода. Имеются в виду следующие положения: (1) преодоление преобладающего этического формата рецепции войны; (2) идентификация войны как сущностного явления – неотъемлемой части бытия; (3) разворачивание войны как мира вещей, осознаваемого посредством акта трансцендирования. Шаппу удалось интегрировать в своем подходе феноменологии войны событийность, субъектное/субъективное начало бытия, опыт как способ оценки бытия, переживание бытия. Такое единство не выглядит хаотично. В статье показано, что Шапп последовательно и акцентированно определял место войны в ряду других основ бытия, таких, например, как космос, природа, Вселенная и других. Особое внимание уделялось мыслителем переживанию бытия как основанию осмысления войны.

Ключевые слова: трансцендирование, мир вещей, переживание бытия, субъектное/субъективное начало

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Попов Е.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи:

Статья поступила 15.10.2024

Статья принята к публикации 10.04.2025

Для цитирования: Попов Е.А. Феноменология войны Вильгельма Шаппа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2025. Т. 29. № 3. С. 832–844. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-3-832-844>

The Phenomenology of War by Wilhelm Schapp

Evgeniy A. Popov

Altai State University, Barnaul, Russia

 popov.eug@yandex.ru

Abstract. One of Husserl's students, the German thinker Wilhelm Schapp (1884–1965), offered his own perspective on the phenomenology of war. In a number of his works devoted to the phenomenology of history, he made a digression in favor of the unconditional factual subject of comprehension – war. Gradually, an independent research approach is revealed in his works, which is partly consistent with the conceptual provisions common to phenomenology, but also has its own original touches. Schapp analyzes war in a system of well-known categories and concepts of phenomenology – transcendence, transcendence and others. But at the same time, he focuses on the deployment of war as one of the substantial foundations of existence, presents this phenomenon as a world of things subject to transcendence, as an essential phenomenon. It is noteworthy that Schapp does not give any specific definition of war, probably avoiding the historicity, eventfulness and facticity characteristic of describing wars in a generalized or concretized form. Nevertheless, there is a clear pattern in the provisions formulated by him, which makes it possible to judge the conceptual design of his approach. The following provisions are meant: (1) overcoming the prevailing ethical format of the reception of war; (2) identification of war as an essential phenomenon – an integral part of being; (3) the deployment of war as the world of things, realized through the act of transcendence. In his approach to the phenomenology of war, Schapp managed to integrate eventfulness, the subject/subjective principle of being, experience as a way of evaluating being, and the experience of being. The article shows that Schapp consistently and accentuated the place of war in a number of other foundations of existence, such as space, nature, the universe and others. The thinker paid special attention to the experience of being as the basis for understanding the war.

Keywords: transcendence, the world of things, the experience of being, the subject/subjective principle

Conflict of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history:

The article was submitted on 15.10.2024

The article was accepted on 10.04.2025

For citation: Popov EA. The Phenomenology of War by Wilhelm Schapp. *RUDN Journal of Philosophy*. 2025;29(3):832–844. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-3-832-844>

Введение

Интересы феноменологии в их классическом звучании, так, как они представлены в идеях Брентано и Гуссерля, простираются в сущее и субъектное/субъективное. Уровень феноменологической рефлексии таков, что направленность на трансцендирование мира вещей дает возможность схватывать реальность во всем многообразии ее форм и явлений. Сама по себе явленность мира вещей становится одним из ведущих ракурсов феноменологии. В то же время атрибутивные характеристики человеческого коллективного и индивидуального бытия не только не уходят из зоны внимания феноменологии в силу их *не-субъективного*, а скорее *объективного* и *закономерного* выражения, а, напротив, продолжают занимать умы феноменологов. Нации, культуры и цивилизации, социальный и исторический опыт индивида и человечества осмысливаются в аспекте трансцендирования и предстают как «тренд феноменологии, состоящий во всеобъемлющем и настороженном внимании к миру вещей и окружающим его пространствам» [1. Р. 99].

Настороженность могут вызвать те объекты для изучения, которые по большей части сопряжены с политикой или идеологией, являясь по своей сути остро социальными или конфликтогенными. Любой феномен социального мира вызывает такую настороженность в силу своей повышенной общественной опасности. По словам Р. Вуда, «феноменология классического образца почти все время оказывалась перед лицом спорных социальных и исторических явлений, но всегда имела свой собственный подход к их анализу, в частности, трансцендирование схватывало саму природу этих явлений» [2. Р. 116]. Тем любопытнее взгляд феноменологии на проблематику войны. Исток этого интереса вполне объясним, и он совпадает со спорными историческими событиями и фактами, пришедшимися на конец XIX – первую четверть XX вв.

Рецепция человеческого опыта и значение гносеологического субъекта для познания мира вещей наложились на заметные для истории и обществ события, в ряду которых создание II Интернационала, объединенного союза Антанты, последующие Балканские войны и Первая мировая война наряду с Русско-японской войной не могли не оказаться в поле рефлексии мыслителей. Вместе с погружением в мир вещей и природу этого мира, а также с разработкой собственного метода феноменология не могла оставаться в стороне от столь заметных и противоречивых в своей сути явлений. Так складывались обстоятельства, что многие представители феноменологического корпуса были задействованы в этих событийных рядах и могли самолично наблюдать происходящее. Например, известно, что М. Хайдеггер служил солдатом в период мировой войны, М. Гейгер участвовал в еврейском подполье, в это же

время В. Шапп занимал должность военного судьи и т.д. Помимо этого, многие из мыслителей-феноменологов не остались безучастными по отношению к проблематике войны в своей творческой и исследовательской деятельности: М. Шелер затронул военную тему в ряде своих работ – «Гений войны и немецкая война» (1915), «Война и устройство мира» (1916); М. Хайдеггер показал, что война нивелирует восприятие времени, в своей работе «Понятие времени в историзме» (1916), предшествующей ключевому труду мыслителя «Бытие и время»; Э. Штайн в своей диссертации «О проблеме эмпатии» (1916) сформулирует тезис о том, что «война делает человека страждущим точно так же, как и Бог – но война идет от зла, а Бог – от добра» [3. Р. 83].

Конечно, тема войны – широкая и сложная; между тем феноменология, по выражению Саулюса Генюшаса, не только не упрощает эту тему, но и предпринимает непростой ход ее погружения в методологическое пространство между феноменологической герменевтикой и метафизикой, но оставляя при этом зазор для практического поворота: война как опыт, который предстает в качестве объекта для трансцендирования [4. Р. 379, 381–383]. Становится очевидным, что война в качестве объекта для феноменологической рецепции порождает множественность смыслов и вариаций трактовок, но они преимущественно разворачиваются в ракурсе феноменологии истории. Закономерно, что исторический срез войны позволяет предельно расширить горизонт ее рецепции, передвинуть акценты в герменевтике с установления связей между элементами бытия на войну как полноценного и самостоятельного субъекта истории и субъектных/субъективных отношений. С другой стороны, открывалась перспектива онтологии войны, связующей воедино время, пространство и субъекта в них. Богатый исторический материал, собранный, говоря современным языком, в режиме онлайн, способствовал историзации взглядов на войну как на феномен бытия, но также и давал возможность схватывать мир вещей в противоречии исторического опыта, подчеркивающего значимость войны для истории, для демонстрации силы и воли народов и индивидов, и опыта экзистенциального, оценивающего войну с точки зрения сопротивления духа и переживания бытия. Тем любопытнее выглядят попытки развернуть проблематику войны в феноменологическом ключе, связать ее с явленностью мира вещей, показать, что феноменальность войны заключается не только в ее историзме и катастрофизме, но и в ее включенности в акт трансцендирования.

Исследовательская проблема, таким образом, состоит в преобладающем в научном дискурсе «свертывании» войны и *военного* (смысла) до некой точки в пространстве, времени или событийном локусе, когда анализ опирается на человеческий опыт – социальный, исторический, политический, что в значительной степени затрудняет идентификацию объекта исследования в его бытийном ракурсе, расширяющим границы понимания войны как мира вещей. Историзация войны в гуманитарном плане по-прежнему остается одним из ведущих направлений ее рецепции, однако в трансцендировании мира

вещей, как отмечал Гуссерль, заключается «прорыв в сущее» и «такие явления, как война, революция или другие приобретают выраженное субъект/субъективное начало, точнее – разворачиваются в бытии как его неотъемлемые части» [5. Р. 66].

Не менее важен этический аспект исследования войны, связанный с абсолютизацией зла, насилия, нравственного выбора индивида, но данный ракурс, с точки зрения С. Брайтона, «дает убедительную трактовку моральных смыслов, но не сущностных, онтологических» [6. Р. 104]. Представляется в этой связи, что феноменологический взгляд на проблему в наибольшей степени отвечает ожиданиям «разомкнуть» повседневность войны и ее смыслов, очертить ее бытийность. В таком случае цель настоящей статьи заключается в выявлении оснований для рецепции феноменологии войны – оригинальной концепции с акцентом на развертывании войны в человеческом бытии. Речь идет о подходе В. Шаппа.

Работы одного из ранних учеников Гуссерля и малоизвестного представителя феноменологии Вильгельма Шаппа (1884–1965) содержат суждения и концептуальные положения, которые вполне могут считаться полноправной самостоятельной теорией войны, созданной Шаппом на стыке феноменологии истории и феноменологии права, но все же преимущественно выдержанной в тонах «общей феноменологии» с характерной для нее установкой на трансцендирование мира вещей.

Внимание Шаппа к теме войны было обусловлено и личными обстоятельствами (занимал должность военного судьи, имел опыт руководства отделом режима в министерстве обороны Германии), и градиентом развиваемого им направления – феноменологии истории, в рамках которого мыслитель «поворачивал» историю к человеку, обнажая ее (истории) субъектность. По замечаниям некоторых исследователей, Шапп «чувствовал, что история – это не только явленность мира вещей, но и явленность бытия субъекта» [7. Р. 47]; «война и есть явленность мира, но ее трансцендирование невозможно без участия субъекта, ведь война – это не космос или вселенная, которые и есть явленность без субъекта» [8. Р. 48].

Оригинальность идей Шаппа относительно феноменологии войны определяется поворотом от истории к сущностному, субъект/субъективному – как известно, являющемуся одним из важнейших концептов всей феноменологии.

Война и явленность мира вещей: находка В. Шаппа

В 1921 г. Вильгельм Шапп выпускает один из своих основных трудов «Вовлеченный в истории. К бытию человека и вещи» («In Geschichten verstrickt. Zum Sein von Mensch und Ding»), который многократно впоследствии им уточнялся вплоть до последнего прижизненного издания 1953 г. В нем был выделен не очень большой по объему раздел, посвященный феноменологии войны; он начинается с предисловия о том, что «война как

исторический факт вбирает в себя времена и пространства, ценности и идеи, но она тем не менее остается миром вещей, подлежащим трансцендированию – схватыванию (явленности)» [8. Р. 88]. Озвученный тезис Шапп будет предельно внимательно отстаивать в течение всей своей творческой судьбы – он в том или ином виде обозначится во всех его работах, главным образом для единственной цели: показать, что история дает богатейший материал для переживания бытия, но само это переживание обостряется многократно в условиях войны, «обращенной теперь к субъекту, воспринимающему вовсе не этот напряженный мир истории, а еще более сложное устройство мира, в котором вещи схватываются в их явленности» [8. Р. 91]. Примерно в таком же ключе Шапп формулирует свой тезис в трактате «Вклад в феноменологию восприятия» (1910) [9. Р. 112] – более ранней по сравнению с «Вовлеченным в истории» работе, что позволяет установить перекличку идей о войне (рецепции войны) и в плоскости историзации, событийности, и в контексте феноменологического подхода. В дальнейшем Шапп станет следовать рецепции войны на протяжении всего творческого пути. При этом, как замечает корейский автор П.К. Ха, Вильгельм Шапп идею о напряженности бытия и его переживании воплотил в положении о трансцендировании мира вещей, распространив его и на войну как особое явление. С точки зрения исследователя, Шаппу «удалось *найти* свою меру, указав на то, что трансцендирование открывает завесу бытия и обнажает сущность мира вещей, точно так же как война или история» (курсив мой. – *Е.П.*) [10. Р. 68]. Находка Шаппа в том и заключается, что война и есть мир вещей, а следовательно, акт трансцендирования направлен на ее схватывание. Такой ракурс отслаивается от привычного хода рассуждений в русле феноменологии истории, акцентирующей самодостаточность истории и исторического факта по отношению к какому-либо уровню человеческого индивидуального и коллективного бытия.

Тезис о войне как мире вещей, схваченных в бытии, присутствует и в более поздней работе Шаппа «Новая наука о праве» («*Die neue Wissenschaft vom Recht*») (1930) [11. Р. 112]. Здесь мыслитель заостряет внимание на том обстоятельстве, что «явленность мира вещей не зависима от субъекта; можно ли точно так же выразиться по поводу войны? Трансцендирование мира вещей отражает бытие, война и есть часть бытия, значит, она не следует за субъектом» [11. Р. 131]. Так или иначе, Шапп последовательно во всех приведенных случаях увязывает в единое войну и акт трансцендирования мира вещей: субъект переживает войну, страдает и «испытывает ужасные муки перед лицом истории, но война, оборачиваясь миром вещей, испытывает и само бытие...» [11. Р. 133]. Становится понятно, что находка философа – это отстаивание «конвертации» войны в мир вещей, явленность которого достигается в акте трансцендирования. В действительности, отстаивать свою позицию Шаппу пришлось в ответ на критический выпад Гуссерля, прозвучавший в письме, написанном по поводу присланной Шаппом статьи в первый номер только что созданного в 1913 г. журнала «Феноменологические

исследования». Неизвестно, какое название носила эта статья – Гуссерль нашел содержащиеся в ней основные положения феноменологии войны «столь резкими и апологетичными, будто бы война и есть сама трансценденция, а все остальное – природа, космос, небо – к ней только прилагаются» [12. Р. 120]. К словам Гуссерля не прислушаться было невозможно, однако Шапп отреагировал на это суждение следующим образом, сделав, это, правда, деликатно, не вступая в дискуссию: «действительно, одно несомненно – мир не обходится без войны, а она в свою очередь эти миры разительно разделяет, и собрать их затем невозможно» [12. Р. 127]. Этот аргумент Шапп «привязал» к рассуждениям о правовой реальности, в которой мир вещей явлен субъекту, в отличие от войны, которая непосредственно субъектом не схватывается. Такой ответ был адресован «дорогому г-ну Эдмунду Г.» [12. Р. 127]. К слову сказать, статья Шаппа так и не была опубликована ни в первом номере «Феноменологических исследований», ни в последующих. Вероятно, заочно между учителем и учеником спор все же продолжался, но не в публичном пространстве и за скобками каких-либо официальных встреч.

В дальнейшем Шапп как будто бы все время искал достаточные аргументы для Гуссерля; это чувствуется по тому, как мыслитель развивал свои идеи относительно войны, мира вещей и их явленности. «Заочные» аргументы всегда находились, создавалось даже впечатление, что Шапп наращивал мощь своих доказательств, поступательно двигаясь к утверждению о том, что война и есть мир вещей, явленность которых разворачивается в переживании бытия.

Основной вопрос феноменологии войны, как это представляется С. Брайтону, заключается в допущении возможности «переключить» акт трансцендирования на ключевой феномен – войну. С его точки зрения, «бытие раскрывается в известных объектах трансцендирования, например, природе и космосе, но войну невообразимо представить себе в этом списке, если только не склониться к абсолютизации ее бытийного начала» [6. Р. 103]. Шапп лишь в предисловии к «Вовлеченному в историю» выразил некоторое сомнение относительно постановки войны в один ряд с «полноценными объектами трансцендирования, сущность которых не познаваема в отличие от войны с ее выраженными атрибутивными свойствами» [8. Р. 11], однако в дальнейшем подобных сомнений уже не возникало. На всем протяжении своей работы он только усиливал аргументацию по поводу необходимости «абсолютизировать войну» как явленность мира вещей, следовательно, допуская возможность и необходимость трансцендирования наряду с другими основаниями человеческого бытия. Возможно, такую убежденность Шаппа подкрепила известная работа К. фон Клаузевица «О войне» (1816–1831) – в ней среди прочих аргументов развертывания войны предлагался «бытийный», но «вблизи духа и силы человека, его представлений об абсолютном и мимолетном» [13]. Нельзя также отвергать возможность обращения Шаппа к идее Гегеля, представлявшего этику войны, но с акцентом на поиске ее бытийных оснований и отсылкой к нравственному моменту войны, «которую не следует

рассматривать как абсолютное зло (Übel) и чисто внешнюю случайность, коя тем самым имеет свое случайное основание в чем угодно — в страстях власть имущих или народов, в несправедливости и т.п., вообще в том, чего не должно быть» [14. С. 395]. Закономерно, что Гегель с точки зрения морально-нравственного императива рассматривает войну как своего рода водораздел добра и зла, но Шапп имел в виду абсолютизацию войны в аспекте трансцендирования мира вещей. По сути, у Шаппа война преломляется в бытии и даже «смыкается с другими его истинами – априорностью, субъект/субъективным началом» [8. Р. 77]. Находка (убеждение) Шаппа вела не к абсолютизации добра и зла, а к категоризации войны как явленности мира вещей.

В разных работах мыслителя находим взаимосвязанные положения, которые подкрепляют направленность выстроенной им феноменологической концепции. Конечно, рубрикация феноменологии более четко прослеживается в «Вовлеченном в историю» (§ 2.2 – война как событие; § 2.5 – война как чуждое и первый опыт; § 2.6 – переживание и восприятие войны; § 2.6.2 – акт трансцендирования: явленность отчужденного войной; § 2.6.4 – явленность мира вещей: война и абсолютное; и др.), однако и в других работах сформулированы некоторые идеи, в которых явно видна ориентация мыслителя на определение войны как явленности мира вещей. Так, например, рассуждая о праве субъекта на историю и ее событийность, Шапп в «Новой науке о праве» дает определение войны и как события, и как явленности: (1) «сгущение событий наблюдаемо в войне – когда каждый на себе ощутил влияние такого сгущения, он почти наверняка столкнулся с войной» [11. Р. 93]; (2) «война не абсолют зла и его главная сила, в явленности вещей она раскрывает всю изнанку бытия – не факты и события здесь имеют цель, а переживание бытия» [11. Р. 100]. Лишь на первый взгляд данные определения выглядят не согласующимися друг с другом в части историзации и событийности войны – Шапп одновременно опирается и на положения феноменологии истории, в которой не только факты сами по себе имеют значение, но и опыт субъекта в постижении их сущности; с другой стороны, события априорны в явленности вещей – их сущность предстает как данность, а развертывание мира вещей обуславливает переживание бытия.

По мысли профессора Кентского университета Марка Джилкса, «война должна быть феноменологически обоснована» и, выступая «как особый способ развертывания сущего в мире вещей», она явно не согласуется с абсолютизацией зла или какими-либо иными абсолютами, «предписанными бытием» [15]. Джилкс опирался в своих рассуждениях на работы Хайдеггера, Мерло-Понти и Гадамера, однако ключевой фигурой в этих рассуждениях мог бы стать и Вильгельм Шапп. Для Джилкса эмпирической базой рассуждений стал опыт военных действий в Афганистане, для Шаппа – первой Мировой войны; различия в объектах восприятия разных войн и совершенно несхожих эпохальных феноменов тем не менее привели ученых к практически идентичному выводу: война есть явленность мира вещей, и ее трансцендирование открывает, по выражению Джилкса, «горизонты миропорядка» [15].

Война как субъектное/субъективное

Немецкий философ Г. Люббе, опираясь на феноменологию истории Шаппа, стал рассматривать кладбище как «источник истории человека», как атрибут историзации человеческого опыта [16. С. 360]. Но для Шаппа в основании истории лежит событийность как данность: «трансцендирование истории» происходит помимо вмешательства субъекта – «равно так же, как происходит трансцендирование явленности мира вещей, где субъекту нет места – он не является кем-либо иным, кроме как наблюдателем истории и мира вещей, стоящего за ней» [9. Р. 103]. Единственной уступкой субъекту, не вмешивающемуся в историю и тем более в ее трансцендирование, Шапп называет овладение мудростью, дающей «право переживания бытия, необходимого для прозрения» [9. Р. 106]. Мудрость субъекта позволяет постичь эстетический опыт [17. С. 825–827], но и переживать бытие в разворачивании исторических фактов и событий. Эту аллюзию, возникшую в русле феноменологии истории, Шапп затем перенесет и в феноменологию войны, сделав ее одним из оснований своих теоретических построений, в частности, закрепив прочность следующего тезиса: «если переживаются факт и событие, как и вся история человека и мира, то тем более переживается война, но это переживание вовсе не эмоционально-чувственное, а трансцендентное, исходящее от самого бытия» [8. Р. 110]. В таком случае война предстает в двух ипостасях: 1) как явленность мира вещей; 2) как субъектное/субъективное начало бытия; однако обе интерпретации не позволяют в полной мере идентифицировать своеобразие такого феномена как война – и Шапп это обстоятельство, разумеется, учитывал. Для него они стали отправными точками разворачивания концепции с акцентом на трансцендировании войны. Для уточнения своей позиции мыслителем были внесены две поправки: во-первых, война как явленность мира вещей не иссякает и не переходит в иные состояния – «она схватывается в бытии как его фундамент, при этом сущее – Вселенная, Космос, Бог и другое – проникает во все слои мира вещей и так глубоко, как невозможно обозреть, война же лежит на поверхности» [8. Р. 111]; во-вторых, война «на поверхности» наиболее приближена к субъекту, «развернута к нему, как если бы трансцендирование мира вещей предназначалось для какого-либо субъекта, а не происходило само по себе как данность и феноменальность сущего» [8. Р. 112]. Таким образом, Шапп создает концепцию войны, равно удаленной от субъекта и приближенной к нему. Этот любопытный ракурс позволил мыслителю трактовать войну как субъектное/субъективное начало.

Разворот войны к субъекту, с одной стороны, удерживает Шаппа в формате феноменологии истории с ее эпицентром событийности и фактичности – «человек и война/человек на войне», однако субъектность войны проявляется и в иных особенностях. Главная из них – соотносительность субъектного и субъективного. При этом Шапп продемонстрировал, когда война

развертывается в их противопоставлении, а в каком случае – в их единстве. Между тем в обоих вариантах война предстает как явление, «трансцендентность которого связана с субъект/субъективным началом» [8. Р. 114]. Но в такой формулировке вовсе не очевидным является то обстоятельство, что речь идет именно о войне: акту трансцендирования подвергается мир вещей в многообразии его проявлений – от этого сама сущность бытия не меняется, равно как и мир вещей остается прежним как данность (априорность). В связи с этим сомнением Шапп, по-видимому, и пришел к необходимости ввести дополнительный, но в то же время определяющий фактор для идентификации войны через трансцендентный акт. Таким фактором становится переживание бытия, а субъект/субъектное начало в нем, по словам Кристин Сильвестр, «раздвигает границы войны до вселенского масштаба, но всякий раз возвращает ее к субъект/субъективному началу» [18. Р. 79]. Учитывая такой подход, можно выделить три вектора идентификации войны через субъект-ное/субъективное начало у Шаппа.

(1) Война → субъект-ное/субъективное; как пишет Шапп, «война развертывается по отношению к субъекту, но, осознаваясь им как испытание и катастрофа, объективируется и поэтому ускользает в своей сути – только субъективный опыт позволяет субъекту видеть в войне ее неизбежность – она „врастает“ (hineinwachsen) в бытие, становясь ее неотъемлемой частью» [8. Р. 117]; стоит отметить, что направленность войны «к субъекту», ее развертывание в его направлении указывает на ее самодостаточность и трансцендентность – война в ряду других основ бытия проникает во все сферы устройства мира, сама являясь миром вещей. По этому поводу Х. Зепп подчеркивает: феноменология Шаппа решала сложную задачу вывести «предмет рецепции из-под обстрела социальности, политики, экономики и развернуть войну к бытию» [19. Р. 780]. Таким образом, война «развертывается» к бытию как отклик на его трансцендентность.

(2) Война ← субъект-ное/субъективное; переживание бытия расценивается как акт трансцендирования: «всякая бытийная основа переживаема сущностно, в результате переживания бытия не появляется какого-либо нового знания или чего-либо эфемерного, закрытого или открытого, не наблюдается и неупорядоченных смыслов – переживание бытия вовсе не выплеск эмоций, оно является актом трансцендирования и связью с бытием» [20. Р. 66–67]. В таком случае субъект-ное/субъективное начало развертывается как данность войны – Шапп определяет для этого две причины. Первая заключается в том, что война преломляет субъективное отношение к реальности: «она наполнена субъективным содержанием, поэтому опознаваема как данность и нарушение миропорядка» [8. Р. 124], вторая причина – в трансцендировании мира вещей: «война, как и миропорядок или мир вещей, есть данность бытия» [8. Р. 124]. Шапп последовательно раскрывает содержание войны как интенцию субъект-ного/субъективного начала: «нет необходимости оценивать мощь и силу войны, она предстает как субъективное начало бытия, стираемое все грани каких-либо физических, моральных и иных границ» [8. Р. 124].

(3) Война ↔ субъектное/субъективное; мир вещей в акте трансцендирования раскрывает свою сущность – война же, как полагает Шапп, одновременно разворачивает субъектное/субъективное начало бытия, но и скрывает его как «всякое трансцендентное не познаваемое» [9. Р. 111]; в таком случае логично предположить, что война в представлении мыслителя «замыкает» в себе бытие, является его своеобразным проводником, что вполне закономерно, если иметь в виду известную отсылку феноменологии к неперемennomу условию трансцендирования – субъектному/субъективному началу бытия [21. Р. 233–256].

На первый взгляд может показаться, что в подходе Шаппа больше самой феноменологии как области познания, чем непосредственно рецепции войны – очень уж он сосредоточен на «вписывании» войны в формат феноменологического анализа. Такое впечатление, по-видимому, следует из желания «вписать» феномен войны в сущность бытия и, сделав ее объектом трансцендирования с акцентом на раскрытии субъектного/субъективного начала, поставить ее в один ряд с другими сущностными основами бытия – Космосом, Вселенной и т.д. Вместе с тем важно иметь в виду, что феноменология войны – это вовсе не повторение фактов и описание событий; по заверению самого немецкого мыслителя, «не следует войну рассматривать в переключке с конкретными событиями и обстоятельствами, мы ставим совершенно иную цель – показать, насколько война становится неотъемлемым – подчеркиваю: неотъемлемым бытийным основанием. Собственно, она и есть мир вещей, в котором преломляется бытие...» [8. Р. 133]. Кроме того, в одном из писем, адресованных Курту Ставенхагену, другому представителю феноменологии и ученику Гуссерля, Шапп признается, что любой выход за рамки феноменологического дискурса возвращает его в морализацию войны и ее этическую рецепцию, но при этом сам Шапп этого хотел бы избежать: «Под влиянием Гегеля совершенно невозможно уйти от морально-нравственного поворота – конечно, война – это более, чем этическое и историческое, но важно понять, какое место она занимает в бытии, в разворачивании мира вещей, в сущности сущего» [5. Р. 56, 58]. Это при том, что Шапп, будучи военным судьей, должен был принимать решения, руководствуясь моральными принципами и прежде всего принципами справедливости и равенства. Между тем, как замечает Даниэль Нучилли, судебный опыт Шаппа, напротив, обострил его концептуальную позицию – в исследовании феномена войны более всего должна была проявиться инерция историзации, однако Шапп вывел свой предмет изучения на иной уровень – онтологический, а «феноменологический ракурс позволил ему представить войну как „вид на бытие“, переживаемое как данность» [5. Р. 77].

Заключение

Феноменология войны Шаппа, конечно же, не первый опыт раскрытия данного явления в формате феноменологии как таковой – почти все

мыслители рубежа XX–XXI столетий закономерно так или иначе обращались к проблематике войны. Однако Шаппу удалось предложить свой оригинальный подход: он представил войну как явленность мира вещей, описав ее разворот к сущему, по сути, сделав войну неотъемлемой частью бытия, проявления его субъектного/субъективного начала, избежав при этом инерции фактической конкретизации, событийности, оставив за скобками своих суждений этический контекст, включая использование дилеммы добра и зла, классической для рецепции войны в морально-нравственном аспекте. Сосредоточенность на том, как война становится «видом на бытие», «переживанием бытия», «самим актом трансцендирования», позволила мыслителю выстроить свою систему, в которой исследуемый феномен разворачивается сущностно как данность. Шапп не использовал понятие априорности, но из его системы (концепции) тем не менее можно проследить эту интенцию: война, действительно, есть данность, в акте трансцендирования она разворачивается наряду с таким субстанциональными основаниями бытия как Вселенная, природа и другими.

Список литературы / References

- [1] Dunlop F. Absolute Stellungnahmen: Eine Ontische Untersuchung Ueber Das Wesen Der Religion, by Kurt Stavenhagen. *Journal of the British Society for Phenomenology*. 1981;12(1):98–100. <https://doi.org/10.1080/00071773.1981.11007529>
- [2] Wood R. Affirming Difference: Everyday Aesthetic Experience after Phenomenology. *Contemporary Aesthetics*. 2011;(9):112–126.
- [3] Herbstrith W. *Edith Stein, a biography*. San Francisco: Harper & Row; 1985.
- [4] Geniusas S. War as a phenomenological Theme: methodological and metaphysical Considerations. *HORIZON. Phenomenological research*. 2022;11(1):379–401. <https://doi.org/10.21638/2226-5260-2022-11-379-401> EDN: OREKLG
- [5] Nuccilli D. *History and Stories: Schapp's Ontological Conception of the Entanglement*. Bratislava: Kritika and Kontext; 2018.
- [6] Brighton S. Three Propositions about Phenomenology of War. *International Political Sociology*. 2011;5(1):101–105. https://doi.org/10.1111/j.1749-5687.2011.00122_6.x
- [7] Joisten K, Schapp J, Thiemer N, editors. *Wilhelm Schapp. On the way of a philosophy of stories. Pt. I*. Freiburg; Munich: Verlag Karl Alber; 2016.
- [8] Schapp V. *In Geschichten verstrickt. Zum Sein von Mensch und Ding*. Frankfurt am Main: Verlag Vittorio Klostermann; 2012.
- [9] Schapp V. *Beiträge Zur Phanomenologie Der Wahrnehmung*. Frankfurt am Main: Verlag Vittorio Klostermann; 2013.
- [10] Ha PK. *Beyond words, things, thoughts, feelings: essays on aesthetic experience*. Portland: Sussex Academic Press; 2011.
- [11] Schapp V. *Die neue Wissenschaft vom Recht. Eine phaenomenologosche Untersuchung*. Berlin-Grunewald: Rothschild publ.; 1930.
- [12] Joisten K, Schapp J, Thiemer N, editors. *Wilhelm Schapp. On the way of a philosophy of stories. Pt. II*. Freiburg; Munich: Verlag Karl Alber; 2017.
- [13] Клаузевиц К. О войне. М. : Госвоениздат, 1934.
Klauzevic K. *About the war*. Moscow: Gosvoenizdat publ.; 1934. (In Russian).
- [14] Круглов А.Н. Беллицистский взгляд Гегеля на войну. Зрелые произведения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия.

2023. Т. 27. № 2. С. 390–405. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-2-390-405> EDN: HVSUPU
Kruglov AN. Hegel's Bellicist view of war. Mature works. *RUDN Journal of Philosophy*. 2023;27(2):390–405. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-2-390-405> EDN: HVSUPU
- [15] Gilks M. *A Phenomenology of War: A Theoretical Inquiry into the Existential-Hermeneutic Structure of War, with Empirical Reflections on the case of the British Soldier in Afghanistan*. Available from: <https://kar.kent.ac.uk/102011/2023> (accessed: 17.03.2024).
- [16] Сувалко А. Рецензия на книгу: Люббе Г. «В ногу со временем: сокращенное пребывание в настоящем». М. : НИУ ВШЭ, 2016 // Социологическое обозрение. 2017. Т. 16. № 2. С. 360–365.
Suvalko A. Book review: Lubbe G. “Keeping up with the times: a shortened stay in the present”. *Sociologicheskoe obozrenie*. 2017;16(2):360–365. (In Russian).
- [17] Попов Е.А. Эстетический опыт в концепциях Р. Ингардена, В. Шаппа и К. Ставенхагена // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2022. Т. 26. № 4. С. 821–834. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2022-26-4-821-834> EDN: NWXMXD
Popov EA. Aesthetic experience in the concepts of R. Ingarden, V. Chapet and K. Stavenhagen. *RUDN Journal of Philosophy*. 2022;26(4):821–834. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2022-26-4-821-834> EDN: NWXMXD
- [18] Sylvester K. *Experiencing the war*. London: Routledge; 2011. <https://doi.org/10.4324/9780203839997>
- [19] Sepp HR. Die Grenze der Solidarität: Der erste Weltkrieg und die Phänomenologie. *Tijdschrift voor Filosofie*. 2014;76(4):761–793.
- [20] Simon H, Brock L. *The Justification of War and International Order: From Past to Present*. Oxford: Oxford University Press; 2021. <https://doi.org/10.1093/oso/9780198865308.001.0001>
- [21] Yoshikawa T. Husserl's Idealism in the Caizo Articles and Its Relation to Contemporary Moral Perfectionism. In: *The Palgrave Handbook of German Idealism and Phenomenology*. Palgrave: Macmillan; 2021. P. 233–256. https://doi.org/10.1007/978-3-030-66857-0_11

Сведения об авторе:

Попов Евгений Александрович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социологии и конфликтологии, Алтайский государственный университет, Российская Федерация, 656049, Барнаул, пр. Ленина, д. 61. ORCID: 0000-0003-3324-8101. SPIN-код: 4672-6381. E-mail: popov.eug@yandex.ru

About the author:

Popov Evgeniy A. – DSc in Philosophy, Professor, Professor of the Department of Sociology and Conflictology, Altai State University, 61 Lenin Ave., Barnaul, 656049, Russian Federation. ORCID: 0000-0003-3324-8101. SPIN code: 4672-6381. E-mail: popov.eug@yandex.ru